

УДК 882(09)

РОЛЬ РЕМИНИСЦЕНТНОГО КОНТЕКСТА В РОМАНЕ А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ЛЮДИ СОРОКОВЫХ ГОДОВ»

Звягина С.В.

ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина» Минобрнауки России, Нижний Новгород, e-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению реминисцентного контекста романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов», в котором отражены как некоторые аспекты личности Писемского, так и эпизоды его творческой и служебной деятельности, модифицированные фантазией писателя применительно к замыслу романа. Отмечено, что главный герой произведения – Павел Вихров – «унаследовал» драматический талант своего создателя и снискал славу хорошего актера. Показано, что мир театра, с одной стороны, прививает Павлу чувство прекрасного, а с другой – позволяет писателю более подробно охарактеризовать героя с помощью влечения в автобиографический контекст идей и мотивов произведений художественной литературы. Установлено, что Павел, как и сам Писемский, использует в своих произведениях прием реминисценции путем экстраполяции на героев собственных позиций и мыслей. Выявлена двойная реминисценция: в герое повести «Да не осудите!», написанной Павлом Вихровым, воплощены его черты, а в образе Павла реализованы позиции и взгляды самого Писемского. Показано, что прием автобиографической и литературной реминисценции позволяет не только дополнить и углубить образ главного героя, но и расширить представление о личности писателя и его литературных предпочтениях относительно построения текста произведения.

Ключевые слова: А.Ф. Писемский, роман «Люди сороковых годов», реминисцентный контекст, прием автобиографической реминисценции, литературные реминисценции

THE ROLE OF REMINISCENCE CONTEXT IN A.F. PISEMSKY'S NOVEL «PEOPLE OF THE FORTIES»

Zvyagina S.V.

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, e-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

The paper is devoted to the study of reminiscence context in A.F. Pisemsky's novel «People of the Forties», where some aspects of Pisemsky personality were shown, as well as the episodes of his creative and official activity modified by the author's fantasy for the purposes of the novel. The principal character of the novel – Pavel Vikhrov – is shown to «inherit» the dramatic talent of his creator and win the fame of a good actor. The stage land is demonstrated to educate sense of beauty in Pavel, on the one hand, and on the other – to allow the writer to describe in detail the character by including the ideas and motives of literary works into the autobiographical context. Pavel is found to use reminiscences in his writings by extrapolating his own ideas and thoughts on his characters. There is a double reminiscence: the character of «Do not convict!», a story written by Pavel Vikhrov, has Pavel's features, while in Pavel there are the ideas and views of Pisemsky himself. The technique of autobiographical and literary reminiscences is shown to allow completing and extending the image of the protagonist – Pavel Vikhrov, as well as better understanding the personality of Pisemsky and his literary preferences in the text composition.

Keywords: A.F. Pisemsky, novel «People of the Forties», reminiscence context, autobiographical reminiscence, literary reminiscence

Произведения художественной литературы являются отражением картины мира прошлого или настоящего, выступают «сообщением на языке искусства» [5], вскрывающим глобальные вопросы эпохи. При этом литература отбирает лишь некоторые явления реальности, которые условно «сокращает или расширяет, делает <...> более красочными или более блеклыми, стилистически <...> организует» [3].

Текст художественного произведения – это результат и «верного отображения, и активного преобразования действительности» [3], способ интерпретации посредством слова индивидуальной авторской картины мира.

«Текст – это не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти» [4], и поэтому, изучая картину мира отдельного писателя или избранного его произведения, следует обратить внимание

на наличие в тексте реминисценций, которые делают мир художественного произведения разнообразнее и богаче. Благодаря этому литературному приему, писатели, опираясь на мир реальной и культурно-литературной действительности, расширяют границы восприятия своих произведений и создают в их рамках уникальный, неповторимый художественный мир.

Использование этого литературного приема является неотъемлемой чертой творчества Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881), проза и драматургия которого во многом определяли историко-литературный процесс середины XIX века и соперничали с сочинениями его более знаменитых современников.

На страницах своих произведений Писемский часто обращается к творчеству А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, У. Шекспира и Ж. Санд, что свидетельствует о связи его

сочинений с современной эпохой и далеким прошлым. Кроме того, он апеллирует к событиям собственной жизни, то есть использует в своем творчестве прием автобиографической реминисценции.

Реминисценциями такого рода насыщен его роман «Люди сороковых годов», напечатанный в нескольких номерах журнала «Заря» за 1869 год. В этом произведении Писемский переплетает художественный вымысел с подлинными фактами собственной жизни, в результате чего формируется образ, который и похож, и не похож на авторский.

Положенная в основу романа история жизненного пути Павла Вихрова охватывает тридцатилетний период. На протяжении всего повествования Павел «мечется из стороны на сторону и, не имея твердой цели и способности к ее достижению, постепенно растрачивает свои душевные и жизненные силы и становится рабом обстоятельств и своих страстей» [6].

Роман открывается описанием усадьбы Александры Григорьевны Абреевой в Воздвиженском селе, куда Михаил Поликарпович Вихров приехал со своим единственным и горячо любимым сыном Павлом. Михаил Поликарпович, как и отец Писемского – Феофилакт Гаврилович – военный. Он не понаслышке знает о тяготах воинской службы, а потому вместо армейского полка решает отправить своего тринадцатилетнего сына учиться в гимназию.

Сам автор романа в гимназию был отдан в четырнадцатилетнем возрасте, то есть на год позднее своего героя. Юный Алексей был определен во второй класс, а Павел в третий, поэтому может сложиться впечатление, что Писемский целенаправленно переигрывает в романе этот момент своей жизни с целью уберечь своего героя от лишних переживаний, которые он испытал сам, обнаружив, что во время вступительных испытаний «был едва ли не самым рослым из всех» [10]. Расхождение между возрастом реального автора и автора в качестве художественного образа объясняется тем, что автобиографический герой, как и любой другой образ, сконструирован фантазией писателя и является своего рода «творческим построением» [1]. Однако этим, казалось бы, незначительным трансформированием биографических данных Писемский показывает, что главное это не возраст героя или его автора, а твердое намерение учиться и всесторонне развиваться. Именно эти качества и помогли ему добиться признания и завоевать среди современников популярность, сравнимую в то время со славой И.С. Тургенева и И.А. Гончарова.

В автобиографии писателя говорится, что Писемский с юных лет был увлечен театром и играл в любительских спектаклях, а на последнем курсе университета он настолько удачно сыграл Подколесина (персонажа гоголевской комедии «Женитьба»), что «по мнению тогдашних знатоков театра, был выше» [7] знаменитого актера Щепкина, исполнившего эту роль на сцене императорского театра.

Герой Писемского во многом повторил путь своего создателя: он, «унаследовав» его драматический талант, снискал славу хорошего актера. Павел познакомился с миром театра в тринадцатилетнем возрасте, когда вместе с Плавиным, товарищем по гимназии, отправился смотреть «Днепровскую русалку» Н.С. Краснопольского. Театр располагался в подвале цехов бывшего кожевенного завода, но произвел на ребят, особенно на Павла, сильное впечатление, которое и послужило толчком для создания своего театра. Несмотря на то, что идея постановки принадлежала Плавину, считавшему, что о театре он знает все, Павел не меньше товарища трудился над подготовкой костюмов и декораций.

Для постановки были избраны «Казакстихотворец» А.А. Шаховского и «Воздушные замки» Н.И. Хмельницкого. Павлу досталась роль хохла Прудюса, а Плавин выбрал для себя роли писаря Грицко и слуги Виктора, поскольку мнил себя многоликим комическим актером. Однако присутствующий на спектакле самый строгий учитель гимназии Николай Силыч Дрозденко, большой любитель и знаток театрального дела, указал ему на недостатки игры, а вот Павла он, наоборот, похвалил и констатировал наличие у него лицедейской жилки: «Вот пан Прудюс <...> тот за дело схватился, за психею взялся, и вышло у него хорошо; видно, что изнутри все шло!» [8].

Возможность блеснуть театральным мастерством представилась Павлу и во время учебы в университете. В этот период своей жизни он непременно хотел поставить «Ромео и Джульетту» У. Шекспира, но в силу обстоятельств реализовать замысел не получилось. Выбор пьесы не случаен: «Ромео и Джульетта» – произведение о вечной любви, а наш герой в этот период был всецело поглощен этим чувством. Для себя он избрал роль Ромео, объясняя это тем, что еще молод, строен и в нем есть «немного трагического жара» [8]. Однако, как нам представляется, задумка Писемского здесь значительно масштабнее: любовь Павла к Клеопатре Петровне Фатеевой – эта своеобразная интерпретация запретной любви шекспировских героев, модифицированная

применительно к середине XIX века: если у великого драматурга любовь невозможна по причине вражды семей, то у Писемского – ввиду того, что предмет страсти его героя – замужняя женщина. Тем не менее несмотря на чувство долга в первом случае и нравственные запреты во втором – любовь живет по своим законам и рушит сковывающие ее оковы.

В следующий раз Павел демонстрирует актерский талант уже во время прохождения службы. Для постановки он вновь избирает великого Шекспира, но в этот раз «Гамлета», а все потому, что «возраст Ромео для него уже прошел, настала более рефлексивная пора – пора Гамлетов» [8]. В этой пьесе, по словам Вихрова, представлен «двор с разными негодьями, между которыми страдает *честный* (курсив мой – С.З.) Гамлет» [8]. Эта, казалось бы, простая фраза героя оказывается пророческой по отношению к его дальнейшей службе. После постановки пьесы в должности чиновника по особо важным поручениям Павел был направлен в усадьбу Козлово для урегулирования отношений между помещиком Клыковым и его крепостными. Клыков утверждал, что крестьяне не платят оброк, а причина тому пожары, холера и неурожай. Павел, проведя расследование, уличил помещика во лжи и дал себе слово привлечь его к ответственности. Однако Клыков, будучи братом фаворитки губернатора, во владении которого и служил Павел (о чем Вихров, разумеется, знал), обставил дело так, что будто бы Вихров настроил крестьян против своего опекуна. С этого момента борьба героя со злом способствовала лишь образованию круга недовольных. Павел негодовал: «Я только еще успел немножко почестней пошевелиться в этом омуте всевозможных гадостей и мерзостей, как на меня сейчас же пошли доносы» [8]. Вихрову грозил суд. Однако стараниями местного судьи губернатора сняли с должности, а на его место был назначен давний приятель Павла – Сергей Абреев. Дело было решено в пользу Вихрова: *честность* одержала победу.

Таким образом, получается, что Писемский, обращаясь к театру, который в его жизни играл значимую роль, с одной стороны, дарует герою свое ощущение прекрасного, а с другой – дает ему исчерпывающую характеристику, вплетая в автобиографический контекст литературную реминисценцию.

Писемский переносит на страницы романа и свои переживания первой любви к старшей по возрасту кузине, на взаимность чувств которой он, в отличие от своего героя, не надеялся, поскольку считал, что «любить по-настоящему могут только

военных» [10]. Эти безрадостные мысли и подвигли будущего писателя к созданию повести «Чугунное кольцо». Рукопись до нас не дошла, однако Писемский передает ее содержание на страницах «Людей», подарив право авторства Павлу Вихрову. Герой повести – молодой казак Ятвас, в фамилию которого заложен своеобразный намек о любви Павла к кузине Марье Николаевне. Ятвас влюблен в одну даму и влюблен взаимно. Однако эта девушка – его родная сестра, о чем герой узнает, когда она дарит ему на память колечко.

Эту повесть Павел первым делом показал Мари, которую сделал своим соавтором: она, по просьбе Вихрова, написала дневник от лица возлюбленной Ятваса. Позднее Павел представил «Чугунное кольцо» профессору словесности, а он, вместо ожидаемой похвалы, посоветовал Вихрову повременить с сочинительством: «вы описываете жизнь, которой еще не знаете; вы можете написать теперь сочинение из книг, – наконец, описать ваши собственные ощущения, – но никак не роман или повесть! На меня, признаюсь, ваше произведение сделало очень, очень неприятное впечатление» [8].

Для Павла «Чугунное кольцо» – первое его произведение, а для самого Писемского – это уже второй опыт сочинительства, и тоже, как следует из содержания романа, неудачный. Свою первую повесть «Черкешенка», написанную в романтическом духе, Писемский создал годом ранее и даже посылал в редакции столичных журналов, но отовсюду получил отказ. Однако в то время литературные неудачи его не сильно волновали, поскольку с гораздо большей страстью он отдавался театру.

После окончания гимназии Павел твердо намеревался поступать в Демидовское училище на военную службу, но знакомство с Марьей Николаевной изменило его планы. Марья с первого же взгляда очаровала Павла: «он в ней первой увидел или, лучше сказать, в первой в ней почувствовал женщину» [8]. Именно утверждение этой девушки, что среди студентов очень много прекрасных и умных молодых людей, заставило Павла отказаться от военной службы и непременно поступать в университет.

Чувство любви к Мари не раз заставляло Павла совершенствоваться. Однажды он слушал, как она читает французский роман, и поймал себя на мысли, что не понимает ни слова, но признаться ей в этом стыдился, а потому решил выучить язык. Французский дался герою легко, и уже через два месяца он свободно читал любую французскую книжку. Позднее, уже в университете, Павел выучил и немецкий язык, столь

необходимый для естественных наук. У самого же Писемского способности к языкам не было: он «тщетно <...> старался познаться с французским и немецким языками, которым, впрочем, в некоторой степени и выучивался, но только ненадолго» [11]. Таким образом, получается, что Писемский даровал своему литературному двойнику талант, которым сам не обладал. Такая ситуация для художественной биографии является нормой, поскольку в ней, по мнению Б.О. Кормана [2], мы часто сталкиваемся с фактами, деталями и ситуациями, которые не имеют соответствия в биографии реальной, ведь в образе автобиографического героя автор не только отражает реальность, но и прибегает к активному переосмыслению фактической основы.

Писемский, как и его герой, в юные годы «наглotalся» немало французских книжек, но в переводе на русский язык. Вот только, по мнению отца писателя, «ничему хорошему они не научат. Другое дело Вальтера Скотта романы» [10]. Этот факт тоже нашел отражение в романе, однако по сюжету «Людей» с этим английским писателем Павла знакомит дядя Еспер Иваныч. Именно он, как и двоюродный брат матери Алексея – Всеволод Никитич, имея превосходную библиотеку, в дальнейшем и посылает Павлу книги.

Вихров, как и сам Писемский, избирает для себя математический факультет Московского университета, при этом продолжая интересоваться литературой. Для отца Павла эта новость стала полной неожиданностью. Решение сына он не одобрял, но Павел настоял на своем: «В университете я буду заниматься чем-нибудь определенным и выйду оттуда или медиком, или юристом, или математиком, а из Демидовского – всем и ничем; наконец, <...> Москва-с, где – превосходный театр, разнообразное общество, множество библиотек, так что, помимо ученья, самая жизнь будет развивать меня» [8].

По словам писателя, за время учебы в университете научных сведений по специальности он «приобрел немного» [7], но зато познакомился с творчеством Шекспира, Шиллера, Гете, Корнеля, Руссо, Вольтера, Гюго и Жорж Санд. Его литературные пристрастия также нашли отражение в «Людах». Герой Писемского «из изящных собственно предметов <...> изучал Шекспира и еще Шиллера <...> который сразу увлек его, как поэт человечности, цивилизации и всех юношеских порывов» [8].

Писемский, как и Вихров, начал свою литературную деятельность уже после окончания университета. В своей автобио-

графии он писал: «Бес авторства снова овладел мной, и в 1846 я написал большую повесть “Боярщина”» [7], хотя опубликована она была лишь в 1858 году.

При вступлении на литературную арену у Писемского были все данные стать со временем «классическим» писателем, поскольку первое опубликованное произведение – повесть «Тюфяк» (именно с этого произведения Писемский предпочитал отсчитывать начало своей литературной деятельности) – получило одобрительные отзывы критиков [9].

Вихрова же подвигло к сочинительству «тоскливое и бессмысленное состояние духа» [8]. Замолкнувшая во время университетской жизни фантазия героя вдруг начала работать: «Павел вместе с своими героями чувствовал злобу, радость; в печальных, патетических местах, – а их у него было немало в его вновь рождаемом творении, – он плакал, и слезы у него капали на бумагу...» [8]. Свое сочинение, написанное с позиции женщины, Павел назвал «Да не осудите!». В нем он пропагандирует доктрину Ж. Санд, идейным соратником которой, как и Писемский, сделался во время учебы в университете.

Главная героиня его произведения – образ собирательный, но внешне она напоминает Анну Ивановну (девушку, с которой Павел познакомился во время учебы в университете), а своими действиями и поступками – Клеопатру Петровну. Сам Павел писал: «три типа были у меня, над которыми я производил свои опыты. <...> m-me Фатева, натура богатая, страстная, способная к беспредельной преданности к своему идолу, но которую все и всю жизнь ее за что-то оскорбляли и обвиняли; <...> есть <...> кузина, высокообразованная и умная женщина: она задыхается в обществе дурака-супруга во имя долга и ради принятых на себя священных обязанностей; и, наконец, <...> Анна Ивановна, которая, вследствие своей милой семейной жизни, нынешний год, вероятно, умрет, – потому что она худа и бледна как мертвая!..» [8]. Загубленные жизни этих женщин никого не волнуют, за них некому заступиться. И только один Павел берет на себя смелость стать «рыцарем ихним», выступить посредством слова против унижения личности женщины. Для этого он делает героиней своего произведения страдальницу, которая, как и все три ее прообраза, несчастлива в браке. В одном из домов она встречает старого знакомого, образ которого Вихров списал с себя, и «назначает ему тайное свидание, чтобы так только побеседовать с ним о прошлом...» [8].

Павел, наделяя героиню своего произведения чертами хорошо знакомых ему женщин и описывая самого себя, прибегает тем самым к приему реминисценции, который является средством выражения его взглядов на реальную действительность, а также отражает его мировоззрение и идейную позицию.

Таким образом, как автор (Писемский), так и его герой (Вихров) прячут за словесной маской своих произведений автобиографические реалии, в результате чего перед нами возникает двойная реминисценция: в герое повести «Да не осудите!» воплощены черты Павла Вихрова, а в образе Павла реализованы позиции и взгляды самого Писемского.

Написав несколько глав, Павел непременно захотел удостовериться в наличии у него литературного таланта. В критике он избрал своих университетских товарищей, среди которых был Неведомов – человек, который неплохо разбирался в литературе и переводил на русский язык пьесы Шекспира. Произведение приняли на ура и назвали сильной вещью.

Декламированием повести друзьям Павел не ограничился. По приезде к Фатеевой он принялся читать произведение ей и ее верной подруге Екатерине Прыхиной, однако в литературе они обе были не сильны. К тому же Клеопатра Петровна не одобряла увлечение Павла сочинительством. Она считала, что писателями «должны были быть или люди знатные, в больших чинах, близко стоящие к государю, или, по крайней мере, очень ученые, а тут Вихров, очень милый и дорогой для нее человек, но все-таки весьма обыкновенный, хочет сделаться писателем» [8]. Павел указал слушательницам, что образ главной героини списан с Клеопатры Петровны: «большая часть нравственных мотивов взяты ваши, а потому они должны бы быть, кажется, близки вашему сердцу» [8]. Фатеева была с этим категорически не согласна, поскольку внешне героиня на нее не похожа, а чувствовать так же, как и она, может в принципе любая женщина. Однако нежелание Клеопатры Петровны ассоциировать себя с образом, созданным Павлом скорее всего обусловлено тем, что она лишь изображала сильную женщину, являясь же в действительности такой же слабой, как и героиня повести «Да не осудите!».

Для того чтобы набело переписать свое сочинение, Павел нанял в писцы бывшего семинариста, а ныне дьякона-расстригу Гаврило Емельяныча Доброва, и не пожалел. Добров оказался умен и наблюдателен, мнение его Вихров воспринимал как речи какого-нибудь мудреца, а его истории

натолкнули Павла на мысль о новом произведении. В нем он, как и в предыдущем сочинении, опять прибегает к приему реминисценции. Действие разворачивается в усадьбе Кривцово, которая запомнилась Павлу из рассказов Доброва. Герой повести, как и товарищ Вихрова по гимназии Плавин, влюбляется в крестьянку (эту историю Павлу поведал Добров). Отец героя, черты которого «со стороны <...> военной строгости и грубости» [8] Павел срисовал со своего отца, прознав об этом, выдает девушку замуж за мужика. Сочинению своему он дает название «Кривцовский барин».

Получается, что Павел, как и сам Писемский, в обоих произведениях использует реминисценцию, путем экстраполирования на героев собственных позиций и мыслей. Это показывает, насколько ценен данный художественный прием для писателя и говорит о его литературных предпочтениях относительно построения текста: расширении границ произведения за счет создания художественной многозначности.

По окончании работы Павел отправляет сочинения в одну из редакций. Идет 1848 год – год, страшный для литературы. В этот период под влиянием французской революции происходит усиление цензурного гнета, и все что раньше считалось позволительным, стало восприниматься как подрывающее основы государства. Писемский писал: «над героем моим, только что выпорхнувшим на литературную арену, <...> разразилась беда: напечатанная повесть его наделала шуму, другой рассказ его остановили в корректуре и к кому-то и куда-то отправили; за ним самим, говорят, послан был фельдъегерь, чтобы привезти его в Петербург» [8]. Приговор был таков: «Обвиняетесь вы, во-первых, за вашу повесть, которая, кажется, называется: «Да не осудите!» – так как в ней вы хотели огласить и распространить учения Запада, низвергнувшие в настоящее время весь государственный порядок Франции; во-вторых, за ваш рассказ, в котором вы идете против существующего и правительством признаваемого крепостного права» [8]. Итогом стало назначение Павла чиновником особых поручений к губернатору, без жалованья, так как он имел свое состояние.

Данный поворот в жизни Вихрова неслучаен, ведь роман был напечатан в славянофильской «Заре» и создавался именно для этого журнала. Этим, пожалуй, и объясняется обвинительный приговор, который писатель «вынес» своему герою.

Самому же Писемскому определиться среди враждующих лагерей было довольно трудно, «не нравилась ему приверженность

западников чужеземным учениям, возмущали их язвительные насмешки над русской стариной, но и «партизаном» славянофильства он не стал» [10]. К тому же его талант также был подвергнут гонениям: успешно вступив на литературную арену в начале 50-х годов XIX века, он уже в следующее десятилетие стал своего рода изгоем за антиингилистический роман «Взбаламученное море» (1863). Однако по прошествии времени Писемский был в некотором роде реабилитирован: его последующие произведения получили высокую оценку Л.Н. Толстого («В водовороте», 1871) и И.С. Тургенева («Мещане», 1877–1878). Помилование вышло и его герою, который покинул ненавистную ему службу.

Таким образом, анализ параллелей между романом «Люди сороковых годов», личностью самого писателя, а также фактами его творческой и служебной деятельности, убедительно свидетельствует, что Писемский, опираясь на события собственной жизни, отражает в произведении мир действительности в интересующем его ракурсе, вкладывая в уста героя идеи, мысли и суждения, близкие ему самому. Автобиографические реминисценции, в которые в свою очередь умелой мыслью автора вплетены реминисценции литературные, определяют настроение романа и позволяют дополнить не только образ главного героя, но и глубже понять личность и художественный мир самого писателя.

Список литературы

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – М.: INTRADA, 1999. – 116 с.
2. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.
3. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999. – 464 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970. – 384 с.
6. Могилянский А.П. Примечание к роману «Люди сороковых годов» // Писемский А.Ф. Люди сороковых годов. – М., 2012. – С. 531–535.

7. Писемский А.Ф. Автобиография // Избранные произведения. – М.–Л., 1932. – С. 23–26.

8. Писемский А.Ф. Люди сороковых годов. – М., 2012. – 546 с.

9. Писемский А.Ф. Письма. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. – 928 с.

10. Плеханов С.Н. Писемский. Серия «Жизнь замечательных людей». – М.: Мол. гвардия, 1987. – 286 с.

11. Скабичевский А.М. Алексей Писемский. Его жизнь и литературная деятельность. – СПб., 1894. – 95 с.

References

1. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoy proze [About psychological prose]. Moscow: INTRADA, 1999. 116 p.

2. Korman B.O. Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya [The study of fiction text]. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 110 p.

3. Likhachev D. The inner world of fiction. Voprosy literatury, 1968, no. 8, pp. 74–87.

4. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, 1999. 464 p.

5. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of literary text]. Moscow, 1970. 384 p.

6. Mogilyanskiy A.P. Notes for the novel «People of the Forties». In: Pisemskiy A.F. Lyudi sorokovykh godov [Pisemsky A.F. People of the Forties]. Moscow, 2012. P. 531–535.

7. Pisemsky A.F. Autobiography. In: Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow–Leningrad, 1932. P. 23–26.

8. Pisemsky A.F. Lyudi sorokovykh godov [People of the forties]. Moscow, 2012. 546 p.

9. Pisemsky A.F. Pis'ma [Letters]. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. 928 p.

10. Plekhanov S.N. Pisemsky. Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh lyudey» [Pisemsky. Series «Life of remarkable people»]. Moscow: Mol. gvardiya, 1987. 286 p.

11. Skabichevskiy A.M. Aleksey Pisemsky. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' [Aleksey Pisemsky. His life and literary activity]. Saint Petersburg, 1894. 95 p.

Рецензенты:

Дзюба Е.М., д.фил.н., профессор кафедры классической и современной литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород;

Захарова В.Т., д.фил.н., профессор кафедры классической и современной литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород.

Работа поступила в редакцию 26.03.2014.